

Валерий Лисицкий

Кружись

18+

Валерий Лисицкий

Кружись

<https://litres.ru/74574648>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ратибор Путятич потерял отца и старшего брата. Теперь он — князь без княжества, с восемью дружинниками и ладьёй, уходящей в море.

Он идёт не к варягам или названому дядьке. Он идёт туда, где море сливается с небом, где снег падает в разгар лета, а под водой плывёт гнилой драккар. Он идёт за силой. Он жаждет сыграть в игру, правил которой не знает.

Тёмное славянское фэнтези о вине, безумии и гордыне.

Содержание

Кружись	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Валерий Лисицкий

Кружись

Кружись

— До дядьки Олафа идти надо было. Он хоть и названный, а помог бы.

Ратибор поморщился. Ладья уже пятеро суток провела на воде, а брат, Третьяк, всё никак не желал угомониться. Нудел и нудел про давнего отцова знаконца:

— Наш дед с его отцом вместе на Царьград ходили, у Святослава Игоревича под рукой. Они кровь мешали, мы как родные теперь!

Олаф бы помог, Олаф бы спас...

Родной дядька осиротил их второй раз, зарезав старшего брата, а названный спасать бы бросился. А как же. Третьяк не понимал про Олафа главного: он был варягом. Жадным, хватким, жестоким. И пошёл бы за детьми своего друга только для того, чтобы прибрать их земли себе. Или за такую плату, какую ни Ратибор, ни Третьяк не потянули бы.

Но говорить этого всего Ратибор не стал. Говорено оно было уже сотню раз, чего мусолить? Он просто хлопнул брата по плечу и постарался улыбнуться:

— Поздно за уговоры взялся, Трёха.

И подумал, что тот надуется. Возраст у него такой: дуться на всё подряд. Усы едва пробились, а доказать чего-то хочется, вот и... Но Третьяк только поёжился и пробормотал: — А был бы Лихославко жив, всё бы иначе было...

И надулся сам Ратибор. В прямом смысле: набрал полную грудь воздуха и напрягся что было сил, чтобы перестало щипать глаза. А когда слёзы отступили — буркнул:

— Дурак твой Лихославко был. И помер по-дурацки. Сам к дядьке пошёл. Ясно ж было, что с ним не договоришься...

Это они тоже сотню раз проговаривали. И сейчас, в сто первый, на лице Третьяка снова мелькнуло то самое выражение лица. Выражение, за которым чётко читалась простая фраза: «Так ты ж ему насоветовал идти!»

Но он ничего не сказал, и Ратибор повторил:

— Дурак был Лихославко.

Третьяк засопел, обхватил себя руками и отошёл. Ратибор не посмотрел ему вслед, но по звукам понял, что младший брат сел под мачтой, прислонившись к ней спиной. Это стало излюбленное его место, как они Ладогу покинули. Первый день блевал, второй сидел белый, как лунь, а на третий завёл разговоры про отца друга...

Вот выйдут из Невы в Варяжское море — опять блевать начнёт.

Ратибор усмехнулся, грея дыханием зябнувшие руки. Ну и пускай. Побольше будет харчи за борт метать — поменьше времени на нытьё останется. А скоро они уже окажутся там,

где не нужно будет сетовать о варяжской помощи. Скоро он всё исправит. Скоро он такую силу заберёт, что не только отцовские земли, сам Новгород взять можно будет!

— Может, и возьму! — прошептал Ратибор. — Возьму!

Кровь застучала в висках, когда он представил себя князем Новгорода. Новгорода! За Рюриком город унаследует! Ветер, словно подслушавший мысли, хлестнул Ратибора по лицу резким порывом, но он только оскалился в ответ. Его рука скользнула под плащ, заколотый на правом плече, и нащупала объёмистый кошель. Тяжёлые железки, спрятанные в нём, перекатились под пальцами.

— Возьму!.. — повторил Ратибор.

— Что возьмёшь, Ратибор Путятич?

Голос, раздавшийся рядом, сделал то, с чем не справился ветер: вырвал из горячечных, скачущих в голове мыслей. Заставил вздрогнуть. Ратибор моргнул торопливо и обернулся:

— Ждан.

Мужчина, подошедший по-кошачьи тихо, согласился:

— Ждан.

Отцовский воевода. А ещё — друг. И в делах поверенный. А как пришло время — детям его кормилец и воспитатель. В былые годы под его началом до пяти десятков ратников собраться могло, не считая крестьян с вилами да топорами. Нынче же дружина сократилась до восьми человек, считая его самого, из которых мечом кормилось четверо, остальные — молодые, отроки, которым по-хорошему ещё учиться

быть воинами и мужчинами. Невелика сила, что и говорить.

— Так что возмёшь-то, князь?

Голос Ждана звучал устало. Кто бы другой так обратился — Ратибор бы встал на дыбы. Но лицо этого рубаки, обезображенное шрамами, с горбатым, свёрнутым на сторону носом, он видел в детстве едва ли не чаще отцовского. Его почтение верностью выражается, а не лебезящим тоном.

— Сперва силу возьму. — отозвался Ратибор. — Затем виру кровавую с дядьки. А потом отцовские земли.

— Виру нынче гривнами берут. — заметил Ждан. — Владимир-князь так определил.

— Князь твой...

Ратибор осёкся, задумчиво постучал согнутым пальцем по губам. Подобрал мысленно те слова, что к месту было вслух произнести, и ответил:

— У нас на Ладоге иное заповедано.

Тут уж не нашёлся с ответом Ждан. Либо не захотел ввязываться в спор с молодым князем. Вместо этого он спросил другое, оглядывая расстилающуюся перед ними гладь Варяжского моря:

— К варягам направимся? Силу-то брать.

Ратибору очень захотелось кивнуть в ответ. Железо, сложенное в кошель, словно пудовый вес обрело, едва не подломило ему колени. Горло сжал болезненный спазм.

Да! Как Игорь, сын Рюрика, как князь Владимир. О какой же ещё силе речь, как не о дружинах северян? Сговориться с

каким-нибудь из их князей, которых они ярлами кличут... и что? Пообещать ему золота, земель, славы? И в конце получить жадного варяга на шее, который уверен, что имеет право на всё, что взял копьём и мечом? Тогда уж проще было б к Олафу.

И Ратибор медленно, с усилием покачал головой:

— Нет. Да. Нет, мы туда направимся, где ладьи не ходят.

Он указал рукой на горизонт, далёкий, зыбкий в яркости холодного весеннего дня. Туда, где не виднелось ни одного белого прямоугольника паруса, где не взбивали солёные волны в пену борта чужеземных ладей. Туда, где были только холод и пустота, а море сливалось с небом.

Ждан постоял рядом, хмуря брови и покусывая ус, в котором седины было уже больше, чем рыжего. Потом кивнул и пошёл прочь по палубе, на ходу выкрикивая:

— Некрас! Правь в голомя, нос на заморник! Злоба, лови побережник парусом!

На ладье всё пришло в движение, забегало, заторопилось. Струганый корпус встретил скулой волну и плюнул в воздух мелкими брызгами, родившими радугу. Ратибор улыбнулся, глядя на неё. Добрый знак! Он обернулся к Третьяку, желая, чтобы тот увидел улыбку и приободрился, но младший брат уже висел пузом на борту, отправляя завтрак в холодную морскую воду.

Упругий ветер, дующий с берега, надул паруса, и ладья, направленная уверенной рукой, пошла в пустоту. Ратибор

сжал в ладони кошель и хотел было прошептать короткую молитву, испрашивая у богов благосклонности, но осёкся.

С богами он договорится позже. Потом. Они любят победителей, потому просят.

Да и добрые знаки ему ни к чему.

Улыбка его померкла.

День покатился своим чередом. Ждан сменил усталого Некраса на корме, приняв правило из его рук. Третьяк, отдав морю всё, что мог, прибил к Найдёну, ещё одному дружиннику, и слушал о парусах и ветрах, что-то вымеряя поднятой к небу ладонью и то оттопыривая, то прижимая к ней большой палец. Найдён одобрительно кивал. Злоба, третий гридень, занимался отроками, заставляя их учить руками то, что Третьяк познавал ушами, а самым непонятливым объяснял, как мог: пинками под зад и обидными шлепками по макушке.

Ратибор остался в одиночестве. Головой он понимал: он — князь, и одиночество его — одиночество лютого волка, ведущего стаю. Отец рассказывал о таком. Но что толку с рассказов? Жить-то в нём он не учился. Потому что не ждал, что так выйдет. Не ждал, что стая за ним двинется, а не за Лихославкой. Тот-то был как создан княжить. Сильный, уверенный. Рядом встанет — и как крылья за спиной у тебя расправляются, понимаешь сразу: нечего тебе бояться, всё тебе по силам. Вот это — князь! Даже имя у него как звучало: Лихослав Путятич!

Лежит где-то в яме, без имени, без памяти, с распоротым горлом. Князь.

Ратибор до хруста сжал кулаки и стиснул челюсти так, что зубы заныли.

Дружинники глотку вскрыли. Отца дружинники-то! С детства знакомые! Деревянный меч Лихославу Путятичу в ручку вкладывали, а время пришло — вложили булат ему в горло. Глаза защипало, Ратибор широкими шагами приблизился к борту, перегнулся, ухватившись за снасть, и зачерпнул полную пригоршню ледяной воды. Плеснул себе в лицо, крепко растёр. Полегчало. Слезы отступили. Ратибор постоял ещё немного, глядя, как срываются капли воды с кончиков пальцев, а потом сел на ближайшую скамью.

Свободных скамей у них хватало: ладью удалось увести большую, на две дюжины человек. Достаточно большую, чтобы и в трюме вместились всё, что требовалось. Быстроходную. Злую ладью, как Ждан говорил, на такой хоть в поход, хоть купцов потрошить. Ратибор в который раз посмотрел на волчью голову, вырезанную на носу. Прикинул, как на ней крепить верёвки, когда придёт время, и кивнул одобрительно: да, ладью они взяли прекрасную. Как будто судьба сама их вела.

Он вытянул ноги, а потом и лёг, укутавшись в плащ. Посмотрел на небо, ставшее низким и плотным, будто глиняным, перевёл взгляд на верхушку мачты. Ладья качнулась и солнечный луч угодил ему прямо в глаз, заставив зажму-

риться. Ратибор решил, что полежит с закрытыми глазами. Недолго. Совсем недолго.

И уснул.

А разбудил его скрип вёсел и плеск воды. Он подскочил со скамьи, неловко, совсем не по-княжески, каким-то бабьим движением, уже чувствуя, как вспыхивают от стыда щёки. На вёсла сели, пока он спал! Князь! Позорище!

Но на вёслах никого не было.

На ладье вообще никого не было.

Кроме...

— Ратиборушко!

Ратибор задрал голову, взглянул на верхушку мачты и ша-рахнулся в сторону. Ладонь сама собой нашарила рукоять меча, и он рывком вытащил оружие из ножен... но только затем, чтобы посмотреть, как блестящий, почти белоснежный в ночном мраке клинок темнеет, покрывается ржой, прорывается трещинами и рассыпается пеплом. За мгновения.

— А...

Крик, который Ратибор почти вытолкнул из груди, пресёкся и умер у него в глотке.

— Ратиборуш-ш-ш!.. — зашипело то, что облюбовало мачту.

Чудь.

Белоглазая чудь.

Тощая, тёмная, почти чёрная. С белыми сияющими глазами на худом лице, она раззявила пасть, показавшуюся Ра-

тибору бездонной ямой, и прохрипела:

— Сечь! Сечь! Сечь!

Знакомый голос. Даже сейчас, спустя годы, послышался в нём отзвук привычной нежности:

— Ратиборушко, баловник!

Ратибор пошатнулся. Потерял равновесие. Отвёл от чудовища взгляд всего на миг — и понял, стоит посреди отцовского двора, и вокруг беснуется толпа, и рядом стоит отец, и ему хочется этому порадоваться, но он не может, у него есть дело важнее, ему нужно плевать в голую женщину, плевать на её груди, что его вскормили, пока она рыдает, стоя на коленях, окружённая беснующейся толпой, и слушать бабский вой «Она это, она, она хворобу принесла и мор!» и самому кричать, вскидывая над головой кулачок: «Сечь! Сечь! Сечь!»

Хлыст полоснул плоть с сочным влажным звуком.

Ратибор вздрогнул, вываливаясь из видения обратно на ладью. Встретился взглядом с тощей чудью и увидел, что её лицо, знакомое до болезненной дрожи в груди, прямо под белыми глазами рассекла надвое рваная рана. Рана, которая быстро набухла кровью, почти чёрной и блестящей, как смола. Кровью, которая потекла по коже и застучала по палубе, сорвавшись вниз.

— Сечь! — кудахтнула чудь.

И снова эхом:

— Не прячься, Ратиборушко!

Снова короткий свист и влажный удар — и ещё одна страшная рана легла чуди на плечо. Она, сидящая на корточках, наклонилась вперёд так далеко, что колени оказались над головой, и Ратибор увидел её спину. И рубец, перечеркнувший торчащие, как сложенные крылья, лопатки.

— Сечь! Сечь! Сечь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.